

Научная статья | Original paper

Специфика взаимосвязи жизнеспособности с гражданской и этнической идентичностью и волевыми качествами у бурятской, якутской и русской молодежи

С.Б. Дагбаева ✉, Н.М. Сараева, А.А. Суханов, К.Н. Павлова

Забайкальский государственный университет, Чита, Российская Федерация

✉ soela@bk.ru

Резюме

Контекст и актуальность. В условиях многонационального российского общества проблема взаимосвязи жизнеспособности с гражданской и этнической идентичностью и волевыми качествами приобретает особую значимость.

Цель. Выявить и сравнить структуру взаимосвязей между компонентами жизнеспособности, гражданской и этнической идентичности, волевыми качествами у студентов бурятской, якутской и русской национальностей.

Гипотеза. Существуют значимые положительные связи между компонентами жизнеспособности, гражданской и этнической идентичности, волевыми качествами в исследуемых группах; структура этих взаимосвязей имеет этнокультурную специфику, проявляющуюся в силе и конфигурации корреляционных плед.

Методы и материалы. В исследовании приняли участие 397 студентов Забайкальского края, Республики Бурятия и Республики Саха (Якутия) в возрасте от 16 до 24 лет. Диагностика осуществлялась с помощью методик: Тест «Жизнеспособность взрослого человека» (А.В. Махнач), Тест «Жизнеспособность детей и молодежи» (CYRM-28) (в адаптации А.В. Махнача и А.И. Лактионовой), Опросник волевых качеств личности (М.В. Чумаков), Шкала экспресс-оценки гражданской идентичности (А.Н. Татарко, Н.М. Лебедева), Шкала экспресс-оценки этнической идентичности (Н.М. Лебедева). Для анализа данных применялся коэффициент ранговой корреляции ρ -Спирмена.

Результаты. Универсальным ресурсом жизнеспособности во всех трех группах выступили семейные и социальные связи. Целеустремленность, энергичность, инициативность и ответственность образовали универсальное регуляторное ядро волевых качеств, связанных с жизнеспособностью. Этноспецифические проявления: духовность продемонстрировала три культурных паттерна: интегративный у русских, регуляторный у бурят и контекстуальный у якутов. Определенность этнической идентичности оказалась более значимой для общей жизнеспособности якутов, а для русских респондентов — позитивность гражданской идентичности. Самостоятельность не связана с жизнеспособностью ни в одной группе, а у бурят обнаружила отрицательную связь с духовностью.

Выводы. Семейные и социальные связи имеют тесные взаимосвязи с общей жизнеспособностью у респондентов, независимо от национальности. Идентичность (этническая и гражданская) включена в систему личностных ресурсов жизнеспособности, но характер взаимосвязей культурно специфичен. Духовность играет разную роль в трех

культурах. Самостоятельность не имеет связей с компонентами жизнеспособности в исследуемых группах.

Ключевые слова: жизнеспособность, гражданская идентичность, этническая идентичность, волевые качества, буряты, якуты, русские, корреляционный анализ

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 25-28-02613, <https://rscf.ru/project/25-28-02613/>.

Дополнительные данные. Наборы данных доступны по адресу: <https://doi.org/10.48612/MSUPE/uh6b-97kf-7m8a>.

Для цитирования: Дагбаева, С.Б., Сараева, Н.М., Суханов, А.А., Павлова, К.Н. (2026). Специфика взаимосвязи жизнеспособности с гражданской и этнической идентичностью и волевыми качествами у бурятской, якутской и русской молодежи. *Социальная психология и общество*, 17(3), 89–105. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170306>

The specificity of the relationship between resilience and civic and ethnic identity and strong-willed qualities among Buryat, Yakut and Russian youth

S.B. Dagbaeva ✉, N.M. Saraeva, A.A. Sukhanov, K.N. Pavlova
Transbaikal State University, Chita, Russian Federation
✉ soela@bk.ru

Abstract

Context and Relevance. *In the context of multinational Russian society, the problem of the relationship between resilience and civic and ethnic identity and strong-willed qualities acquires particular significance.*

Objective. *To identify and compare the structure of the relationships between resilience components, civic and ethnic identity and strong-willed qualities in students of Buryat, Yakut, and Russian ethnicities.*

Hypothesis. *There are significant positive links between resilience components, indicators of civic and ethnic identity and strong-willed qualities in the groups studied; the structure of these relationships has an ethnocultural specificity, manifested in the strength and configuration of the correlation constellations in Buryats, Yakuts and Russians.*

Methods and materials. *The study involved 397 students from the Trans-Baikal Territory, the Republic of Buryatia, and the Republic of Sakha (Yakutia) aged 16 to 24. Diagnostics were carried out by the following methods: the test “Resilience of an Adult” (A.V. Makhnach), Child and Youth Resilience Measure (CYRM-28) (in adaptation of A.V. Makhnach and A.I. Laktionova), the Questionnaire of strong-willed Qualities of Personality (M.V. Chumakov), the Civic Identity Express Assessment Scale (A.N. Tatarko, N.M. Lebedeva), the Ethnic Identity Express Assessment Scale (N.M. Lebedeva). Spearman’s rank correlation coefficient was used for data analysis.*

Results. *In all three groups, family and social ties have appeared as the universal resource of resilience. Purposefulness, energy, initiative, and responsibility have formed the universal regu-*

latory core of strong-willed qualities. Spirituality demonstrated three cultural patterns: integrative in Russians, regulatory in Buryats, and contextual in Yakuts. The ethnic identity certainty proved to be more significant for the overall resilience of Yakuts; the positivity of civic identity is more significant for Russians. Independence is not related to resilience in any group, while among the Buryats a negative association with spirituality was found.

Conclusions. *Family and social ties are strongly associated with overall resilience in subjects, regardless of nationality. Identity (ethnic and civic) is included in the system of personal resilience resources, but the nature of the relationships is culturally specific. Spirituality plays different roles in the three cultures. Independence is not associated with resilience components in the study groups.*

Keywords: *resilience, civic identity, ethnic identity, strong-willed qualities, Buryats, Yakuts, Russians, correlation analysis*

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 25-28-02613, <https://rscf.ru/project/25-28-02613/>.

Supplemental data. Datasets available from <https://ruspsydata.mgppu.ru/handle/123456789/356>.

For citation: Dagbaeva, S.B., Saraeva, N.M., Sukhanov, A.A., Pavlova, K.N. (2026). The specificity of the relationship between resilience and civic and ethnic identity and strong-willed qualities among Buryat, Yakut and Russian youth. *Social Psychology and Society*, 17(3), 89–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170306>

Введение

Сегодня на фоне происходящих в России и мире событий, перед лицом сложной внешнеполитической ситуации и деструктивного информационного воздействия осознается необходимость формирования позитивной гражданской и этнической идентичности российской молодежи (Татарко, 2023; Галляпина, Лепшокова, Бушина, 2024). При этом необходимо определить личностные характеристики, которые помогают противостоять неблагоприятным обстоятельствам и сохранять внутреннее равновесие, к числу которых можно отнести жизнеспособность личности (Махнач, 2017; Masten, 2014) и волевые качества (Чумаков, 2004).

Понятие жизнеспособности, которое понимается как способность адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, развиваться вопреки неблагоприят-

ному внешнему влиянию, за время своего существования в психологии претерпело заметную эволюцию (Махнач, 2017). Изначально исследователи сосредоточивались на поиске индивидуальных черт, помогающих человеку выстоять в трудных условиях. Позже благодаря работам Н. Гармези (1991) и Э. Вернер (1995) стало очевидно, что жизнеспособность — это не статичная характеристика личности, а динамичный процесс, разворачивающийся во взаимодействии человека с окружающей средой.

Сегодня во многом определяющей считается экологическая модель, предложенная М. Унгаром (2012). Согласно этому подходу, успешность преодоления трудностей зависит не столько от личных качеств индивида, сколько от того, какие ресурсы доступны ему в его социальном окружении. Представления о «хорошей адаптации» могут различаться

в разных культурах, однако практически повсеместно ключевую роль играют отношения привязанности и поддержка сообщества. Для кросс-культурных исследований этот подход особенно ценен, так как он признает культурную укорененность адаптивных ресурсов.

Одним из наиболее перспективных направлений современной психологии жизнеспособности является теория многопоколенной жизнеспособности (Hammood et al., 2025). Эта теория интерпретирует жизнеспособность как динамический, межпоколенный процесс, который передается и усиливается через устные нарративы, коллективные ритуалы и общие системы верований. Согласно этой теории, ключевыми механизмами передачи жизнеспособности выступают: культурная трансмиссия — передача адаптивных стратегий, ценностей и моделей поведения через поколения; социальная сплоченность — поддержание связей внутри сообщества, обеспечивающих ресурсную базу; активная адаптация — способность сообщества модифицировать эти стратегии в ответ на меняющиеся условия.

Данная теория имеет прямое отношение к исследованию идентичности у коренных народов, поскольку показывает, что этническая идентичность не является изолированным психологическим конструктом, а встроена в более широкую систему межпоколенной передачи ресурсов жизнеспособности. В коренных сообществах жизнеспособность возникает не только как индивидуальный атрибут, но и как коллективный ресурс, поддерживаемый общими культурными нарративами, религиозными практиками и духовными верованиями (Kirmayer et al., 2003).

Связь между культурной идентичностью и жизнеспособностью получает все больше эмпирических подтверждений. В работе Н.К. Кристофа и Г. Стайн (Christophe, Stein, 2024) представлены данные изучения представителей этнических меньшинств, согласно которым у людей, обладающих набором из нескольких культурных ресурсов (включая этнорасовую идентичность, обращение к религии как способу совладания со стрессом и приверженность семейным ценностям), а также общих стратегий преодоления трудностей, формируются отличные друг от друга адаптационные паттерны. Лица, чей профиль оказался более ресурсным, реже других сталкивались с симптомами депрессии, даже в ситуациях высокой дискриминации.

Г. Бирман и А. Страм (Biermann, Strahm, 2025), проанализировав множество исследований, посвященных женщинам из числа коренных народов, отмечают, что устойчивая культурная идентичность напрямую коррелирует с благополучием в психической сфере и повышенной жизнестойкостью. При этом, несмотря на то что межпоколенческая передача исторической травмы остается серьезной проблемой, принадлежность к своей культуре выступает в роли мощного буфера, ослабляющего ее последствия.

Обращение за помощью к окружающим служит важным предиктором благополучного становления идентичности в подростковом возрасте. Причем этот паттерн верен как для детей мигрантов, так и для их сверстников без миграционного опыта. Однако именно для первой группы решающую роль играет жизнеспособность как фактор успешного са-

моопределения (Christophe, Stein, 2024). Это подтверждает, что в ситуации культурного меньшинства жизнеспособность выступает как буферный ресурс, облегчающий интеграцию идентичности.

В отечественной психологии вопрос о связи этнической и гражданской идентичности рассмотрен в работах Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко (2009). Этническая идентичность понимается как осознание принадлежности к этнической группе с разделением ее ценностей и традиций, а гражданская идентичность — как осознание человеком своей принадлежности к сообществу граждан определенного государства на основе общности исторической судьбы, ценностей, норм и традиций, а также переживание чувства причастности к судьбе страны и ее народу. Оба типа идентичности включают две важные характеристики: сила или определенность — степень четкости осознания принадлежности; валентность (позитивность/негативность) — эмоциональное отношение к этой принадлежности. Этническая и гражданская идентичности являются ресурсом психологического благополучия (Галыпина, Лепشوкова, Бушина, 2024). При этом позитивная гражданская идентичность в условиях нестабильности и санкционного давления улучшает ментальное здоровье россиян через переосмысление ситуации и духовную опору (Татарко, 2023). Также гражданская идентичность является основным предиктором просоциального поведения молодежи (Гуриева и др., 2026).

Волевые качества личности (ответственность, инициативность, решительность, самостоятельность, вы-

держка, настойчивость, энергичность, внимательность, целеустремленность) традиционно рассматриваются как базальный уровень саморегуляции (Чумаков, 2004). Роль этнокультурных факторов в формировании разных звеньев волевой регуляции неодинакова. Укоренившиеся паттерны волевого поведения в значительной мере детерминированы спецификой национальной культуры. Уровень самоконтроля человека больше зависит от реальных условий его жизни и жизни его этноса. Волевая же самооценка базируется на культурных эталонах и шаблонах действий, которые задаются как обстоятельствами текущего момента, так и многовековыми традициями народа (Иванников, Шляпников, 2019).

Вместе с тем при всем обилии работ, посвященных отдельно жизнеспособности, этнической и гражданской идентичности, волевой регуляции, до сих пор остается не вполне проясненным вопрос, каким образом указанные феномены взаимосвязаны между собой и обнаруживается ли в этих связях этнокультурная специфика.

Цель исследования: выявить и сравнить структуру взаимосвязей между компонентами жизнеспособности, гражданской и этнической идентичности, а также волевыми качествами у представителей бурятской, якутской и русской молодежи.

Гипотеза: существуют значимые положительные связи между компонентами жизнеспособности, гражданской и этнической идентичности, волевыми качествами в исследуемых группах; структура этих взаимосвязей имеет этнокультурную специфику, проявляющуюся в

силе и конфигурации корреляционных плед у бурят, якутов и русских.

Материалы и методы

Выборка. В исследовании приняли участие 397 студентов Забайкальского края, Республики Бурятия и Республики Саха (Якутия).

Группа 1 (буряты): 164 человека (40 юношей, 124 девушки) в возрасте от 16 до 24 лет ($M = 20,2$), проживающие в Забайкальском крае и в Республике Бурятия.

Группа 2 (якуты): 111 человек (38 юношей, 73 девушки) в возрасте от 17 до 24 лет ($M = 20,8$), проживающие в Республике Саха (Якутия).

Группа 3 (русские): 122 человека (36 юношей, 86 девушек) в возрасте от 18 до 24 лет ($M = 19,5$), проживающие в Забайкальском крае.

Все участники дали информированное согласие на участие в исследовании.

Методики. Тест «Жизнеспособность детей и молодежи» (Child and Youth Resilience Measure-28 – CYRM-28) в адаптации А.В. Махнач и А.И. Лактионовой (Махнач, Лактионова, 2026). Тест «Жизнеспособность взрослого человека» А.В. Махнач (Махнач, 2016). Опросник волевых качеств личности (ВКЛ) (Чумаков, 2004). Шкала экспресс-оценки гражданской идентичности А.Н. Татарко, Н.М. Лебедевой (Татарко, Лебедева, 2009). Шкала экспресс-оценки этнической идентичности Н.М. Лебедевой (Татарко, Лебедева, 2011).

В исследовании применялись два взаимодополняющих инструмента диагностики жизнеспособности. Тест жизнеспособности детей и молодежи (CYRM-28) использовался для оценки общего уровня

жизнеспособности и ее содержательных аспектов (индивидуальная жизнеспособность; семейная/реляционная жизнеспособность; контекстуальная жизнеспособность), что позволило обеспечить единую точку отсчета для всех этнических групп. Тест жизнеспособности взрослого человека применялся для диагностики специфических ресурсных компонентов (Самоеффективность; Настойчивость; Внутренний локус контроля; Совладание и Адаптация; Духовность; Семейные и социальные связи; Интегральный показатель жизнеспособности), которые отсутствуют в CYRM-28, однако значимы для понимания этнокультурных паттернов. Тест для детей и молодежи опирается на экологическую модель Бронфенбреннера, которая подчеркивает системное влияние окружения на развитие человека (Махнач, Лактионова, 2026). Тест для взрослых имеет более личностно-центрированную структуру (Махнач, 2016). Сопоставление данных осуществлялось на уровне корреляционного анализа между шкалами данных методик. Такой дизайн позволил сохранить содержательную уникальность каждого инструмента и одновременно изучить их взаимосвязи в рамках единой системы личностных ресурсов.

Математико-статистическая обработка полученных данных осуществлялась с использованием пакета программ SPSS 23.0. Расчет коэффициента альфа Кронбаха показал приемлемый и хороший уровень внутренней согласованности использованных методик ($\alpha = 0,70–0,90$). Для анализа взаимосвязей между изучаемыми переменными был применен коэффициент ранговой корреляции ρ -Спирмена.

Результаты

Сначала обозначим универсальные корреляции между компонентами жизнеспособности, гражданской и этнической идентичности, а также волевыми качествами у представителей бурятской, якутской и русской молодежи.

Семейные и социальные связи являются универсальным ресурсом жизнеспособности человека, независимо от его национальной принадлежности. В указанных этнических группах показатель «Семейные и социальные связи» (субшкала теста «Жизнеспособность взрослого человека») продемонстрировал наиболее сильные связи по сравнению с другими переменными (этническая и гражданская идентичность, волевые качества) с общим показателем жизнеспособности (по тесту CYRM-28): буряты — $\rho = 0,724$ ($p < 0,01$); якуты — $\rho = 0,762$ ($p < 0,01$); русские — $\rho = 0,678$ ($p < 0,01$). Кроме того, у бурят и якутов семейные связи значимо коррелируют с определенностью этнической идентичности

(буряты — $\rho = 0,352$; якуты — $\rho = 0,480$; $p < 0,01$), тогда как у русских эта связь отсутствует ($\rho = 0,152$).

Обнаружены универсальные значимые корреляции волевых качеств личности с жизнеспособностью (см. табл. 1).

Целеустремленность, энергичность, инициативность и ответственность образуют наиболее значимые связи с общей жизнеспособностью (по CYRM-28) вне зависимости от этнокультурной принадлежности респондентов (см. табл. 1). Также универсальным для заявленных этнических групп является отсутствие значимых положительных связей самостоятельности с общей жизнеспособностью и ее компонентами (по CYRM-28).

Обратимся далее к выявленным особенностям связей жизнеспособности с изучаемыми переменными в национальных выборках.

Существуют культурно-специфические связи волевых качеств с показателями жизнеспособности, этнической и гражданской идентичности.

Таблица 1 / Table 1

Корреляции показателей волевых качеств с общим показателем жизнеспособности (CYRM-28)
Correlations between strong-willed qualities and the General resilience score (CYRM-28)

Волевое качество / Strong-willed qualities	Буряты / Buryats (N = 167)	Якуты / Yakuts (N = 111)	Русские / Russians (N = 122)
Общая жизнеспособность / General resilience score (CYRM-28)			
Целеустремленность / Purposefulness	0,550**	0,553**	0,483**
Энергичность / Energy	0,489**	0,480**	0,479**
Инициативность / Initiative	0,480**	0,432**	0,435**
Ответственность / Responsibility	0,410**	0,532**	0,414**

Примечание: «**» — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Note: «**» — correlation is significant at the 0,01 level (two-sided).

У якутов волевые качества ответственность ($\rho = 0,457$) и целеустремленность ($\rho = 0,546$) связаны с семейными и социальными связями. У русских общий уровень саморегуляции связан с позитивностью гражданской идентичности ($\rho = 0,437$), а инициативность — с индивидуальной жизнеспособностью ($\rho = 0,544$). У бурят энергичность связана с духовностью ($\rho = 0,381$).

Обнаружена этнокультурная специфика связей духовности с рядом переменных (см. табл. 2).

В русской выборке духовность связана с общей жизнеспособностью ($\rho = 0,555$) и с контекстуальной жизнеспособностью ($\rho = 0,588$), а также с позитивностью гражданской идентичности

($\rho = 0,375$). При этом связь духовности с индивидуальной жизнеспособностью у русских ($\rho = 0,402$) значительно сильнее, чем в других группах. Слабая, но значимая связь между указанными переменными обнаружена и у бурят ($\rho = 0,227$).

В бурятской выборке духовность связана с контекстуальной жизнеспособностью ($\rho = 0,410$) и отрицательно — с самостоятельностью ($\rho = -0,182$). Связь с общей жизнеспособностью (по CYRM-28) умеренная ($\rho = 0,379$).

В якутской выборке духовность связана с контекстуальной жизнеспособностью ($\rho = 0,348$) и слабо — с общей жизнеспособностью (по CYRM-28) ($\rho = 0,286$). Связь с совладанием и адаптацией статистически незначима ($\rho = 0,166$).

Таблица 2 / Table 2

Корреляции показателя «Духовность» с показателями жизнеспособности, идентичности и волевыми качествами
Correlations of «Spirituality» scale with indicators of resilience, identity and strong-willed qualities

Шкалы / Scales	Буряты / Buryats (N = 167)	Якуты / Yakuts (N = 111)	Русские / Russians (N = 122)
Духовность / Spirituality			
Общая жизнеспособность / General resilience score (CYRM-28)	0,379**	0,286**	0,555**
Контекстуальная жизнеспособность / Contextual resilience	0,410**	0,348**	0,488**
Индивидуальная жизнеспособность / Individual resilience	0,227**	0,122	0,402**
Семейные и социальные связи / Family and social relations	0,358**	0,270**	0,293**
Позитивность гражданской идентичности / Positivity of civic identity	0,127	0,161	0,375**
Самостоятельность / Independence	−0,182*	−0,110	−0,157

Примечание: «**» — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Note: «**» — correlation is significant at the 0,01 level (two-sided).

Также обнаружена этнокультурная специфика взаимосвязей типов идентичности с показателями жизнеспособности опрошенных (см. табл. 3).

Согласно полученным данным, у якутов наибольшую связь с общей жизнеспособностью демонстрирует определенность этнической идентичности ($\rho = 0,547$). У русских с общей жизнеспособностью тесно коррелирует позитивность гражданской идентичности ($\rho = 0,542$), при этом этническая идентичность (как определенность, так и позитивность) также имеет значимые корреляции ($\rho = 0,383$ и $0,511$ соответственно). У бурят оба типа идентичности связаны с общей жизнеспособностью умеренно ($\rho = 0,336$ – $0,456$).

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило нам выделить как универсальные, так и культурно-специфические связи между заявленными показателями у представителей бурятской, якутской и русской молодежи.

Во всех трех группах выявлена тесная связь семейных и социальных связей с общей жизнеспособностью ($\rho = 0,68$ – $0,76$). Этот результат совпадает с выводами А.В. Махнача и соавторов (2023), согласно которым поддержка семьи и общества является универсальным фактором жизнеспособности вне зависимости от этнокультурной принадлежности. В качественном исследовании представлений о семье как ресурсе жизнеспособности было показано, что если в семьях

Таблица 3 / Table 3

Корреляции показателей типов идентичности с общей жизнеспособностью (CYRM-28) Correlations of identity types with general resilience score (CYRM-28)

Тип идентичности / Identity type	Буряты / Buryats (N = 167)	Якуты / Yakuts (N = 111)	Русские / Russians (N = 122)
Общая жизнеспособность / General resilience score (CYRM-28)			
Определенность этнической идентичности / Clarity of ethnic identity	0,456**	0,547**	0,383**
Позитивность этнической идентичности / Positivity of ethnic identity	0,350**	0,496**	0,511**
Определенность гражданской идентичности / Clarity of civic identity	0,336**	0,291**	0,361**
Позитивность гражданской идентичности / Positivity of civic identity	0,374**	0,327**	0,542**

Примечание: «**» — корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя).

Note: «**» — correlation is significant at the 0,01 level (two-sided).

русских респондентов формируется в большей мере «Я-идентичность», то в семьях респондентов-бурят — «Мы-идентичность» (Махнач и др., 2024).

Весьма показательным представляется тот факт, что у якутов и бурят семейные связи демонстрируют значимые корреляции с определенностью этнической идентичности ($\rho = 0,480$ и $0,352$ соответственно). У русских, напротив, подобная взаимосвязь отсутствует ($\rho = 0,152$). Данный результат позволяет предполагать, что формирование этнической идентичности у молодого поколения указанных народов Сибири и Дальнего Востока тесно связано с участием семьи рода, что согласуется с концепцией «взаимозависимой самости» Х. Маркус и Ш. Китаямы (Markus, Kitayama, 1991).

Целеустремленность, энергичность, инициативность и ответственность образуют универсальные волевые качества, их связь с общей жизнеспособностью оказывается значимой во всех трех исследуемых группах. Они обеспечивают направленность, устойчивость и осознанность деятельности, а это, в свою очередь, рассматривается в психологии как базовый механизм саморегуляции (Иванников, 2010; Чумаков, 2004).

Духовность, рассматриваемая как один из компонентов жизнеспособности, приобретает различные функциональные значения в разных этнокультурных группах.

У русских обнаруживается так называемая интегративная функция духовности. Этот показатель обнаруживает устойчивые связи с общей жизнеспособностью (по CYRM-28, $\rho = 0,555$), с интегральным показателем жизнеспособности ($\rho = 0,658$), с контекстуальной

жизнеспособностью ($\rho = 0,588$), а также с позитивностью гражданской идентичности ($\rho = 0,375$). Следовательно, в русской культурной традиции духовность можно рассматривать как ресурс, который связан с положительным отношением к стране и ее историческому прошлому. Подобная интерпретация находит поддержку в работах К. Паргамента (Pargament, 1997) по религиозному копингу, включающему два типа стратегий совладания с опорой на веру: конструктивные и деструктивные. К первым относятся, например, обращение за поддержкой к высшим силам или попытка переосмыслить трудную ситуацию. Ко вторым — ощущение божественного наказания или мучительные сомнения в собственной вере. Позитивный религиозный копинг помогает человеку лучше справляться с невзгодами — особенно в тех случаях, когда стрессовое событие не поддается контролю. Ранее А.В. Махнач с соавт. (2023) уже показали, что наиболее отчетливые расхождения между русской и бурятской молодежью проявляются именно в оценке значимости религиозной веры. Для русских, согласно этим данным, духовность выступает в качестве смыслообразующего ресурса, неразрывно связанного с отношением к собственной стране и ее истории.

У бурят духовность выполняет преимущественно регуляторную функцию. В данной группе выявлены значимые корреляции духовности с показателями совладания и адаптации ($\rho = 0,394$), а также с контекстуальной жизнеспособностью ($\rho = 0,410$) и отрицательная связь с самостоятельностью ($\rho = -0,182$). Полученные данные можно объяснить тем, что в буддийской традиции, харак-

терной для бурят, духовные практики, молитвенные обращения и консультации с ламами органично встроены в повседневные стратегии преодоления жизненных трудностей. Самостоятельность в поведении без опоры на духовные и семейные авторитеты воспринимается как риск дезадаптации. Я. Хаммуд с соавт. (Hammoood et al., 2025) подчеркивают, что в подобных сообществах жизнеспособность формируется не только как индивидуальное свойство, но и как коллективный ресурс, который поддерживается общими культурными нарративами, религиозными практиками и духовными установками. Духовность в бурятской культуре рассматривается в качестве одного из центральных механизмов передачи жизнеспособности.

У якутов духовность обнаруживает контекстуальную функцию, она наиболее тесно связана с контекстуальной жизнеспособностью ($\rho = 0,348$), но слабо — с общей жизнеспособностью ($\rho = 0,286$) и статистически незначимо — с совладанием ($\rho = 0,166$). Традиционная религия саха (айыы), вероятно, воспринимается современной якутской молодежью как часть национальной культуры, но не как непосредственный инструмент совладания с повседневными стрессами.

Обнаружены различия в связях разных типов идентичности с жизнеспособностью.

У якутов сильную связь с общим показателем жизнеспособности (по CYRM-28) демонстрирует определенность этнической идентичности ($\rho = 0,547$). Якуты (саха) являются титульной нацией в Республике Саха (Якутия), где они составляют большинство населения и сохраняют язык, традиции и культуру. Для них четкое осознание сво-

ей этнической принадлежности (определенность идентичности) выступает как психологический ресурс, обеспечивающий стабильность и предсказуемость социального мира. Этот результат согласуется с данными, полученными Т. Йип с коллегами (Yip et al., 2019), согласно которым компоненты этнической идентичности обладают неодинаковым адаптивным потенциалом. Показатель «приверженность» (commitment), по своему смыслу близкий к определенности идентичности, выполняет защитную функцию. Напротив, «исследование» (search) на этапах активного поиска собственной идентичности способно временно повышать уязвимость человека.

Для русских респондентов более значимой для общей жизнеспособности оказывается позитивная гражданская идентичность ($\rho = 0,542$). Будучи государствообразующим народом России, русские в меньшей мере нуждаются в специальном этническом самоопределении, а в сложных условиях жизнедеятельности на первый план для них выходит эмоционально положительное отношение к собственной стране и гражданскому сообществу. Этот вывод перекликается с результатами, полученными Н.М. Лебедевой и А.Н. Татарко (2009), согласно которым позитивно окрашенная гражданская идентичность функционирует как социально-психологический капитал, способствуя поддержанию психологического благополучия и облегчая социальную интеграцию.

Для бурят оба рассматриваемых типа идентичности демонстрируют значимые умеренные связи с общим показателем жизнеспособности (по CYRM-28) ($\rho = 0,336–0,456$).

Обнаружено отсутствие значимых положительных связей самостоятельно-сти с общим показателем жизнеспособности (по CYRM-28) во всех трех группах, а у бурят выявлена отрицательная связь с духовностью ($\rho = -0,182$). Полученный результат противоречит западным моделям самодетерминации (Ryan, Deci, 2017), где автономия (близкая к самостоятельности) считается универсальной психологической потребностью, удовлетворение которой необходимо для благополучия и адаптации. Однако в контексте коллективистских и традиционных культур высокая самостоятельность без опоры на группу может восприниматься не как достижение, а как угроза, как отрыв от семьи, отказ от поддержки и риск социальной изоляции. Как показано в исследовании Д. Баркера (Barker, 2014) о бездомной молодежи, стратегия гипертрофированной автономии может парадоксальным образом усиливать одиночество и ухудшать адаптацию, в то время как баланс автономии и связанности оказывается более адаптивным. Ч. Кагитчибаши (Kagitcibasi, 2005) пишет, что в культурах с высокой ценностью взаимозависимости «автономия в связанности» является более здоровым паттерном, чем полная независимость. Х. Маркус и Ш. Китаёма (Markus, Kitayama, 1991) в своей теории культурных моделей самости также подчеркивают, что во взаимозависимых культурах (к которым относятся многие восточные и традиционные общества) границы Я и других оказываются размытыми, и автономия без опоры на группу может восприниматься как девиация.

Обнаруженная в бурятской культуре отрицательная связь между самостоятель-

ностью и духовностью позволяет предположить, что высокая степень автономии, не подкрепленная опорой на традиционные ценности, может служить маркером дезадаптивных тенденций. И в русской выборке, которую при сравнении с бурятской и якутской можно было бы считать более индивидуалистичной, самостоятельность не демонстрирует значимых связей с жизнеспособностью. Данный факт можно связать с особенностью российского общества, в котором исторически преобладают ценности коллективизма и взаимопомощи.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить как универсальные, так и культурно-специфические связи между показателями жизнеспособности, гражданской и этнической идентичности и волевыми качествами у представителей бурятской, якутской и русской молодежи.

Семейные и социальные связи являются основным ресурсом жизнеспособности вне зависимости от культуры. У бурят и якутов семейные связи также связаны с определенностью этнической идентичности.

Целеустремленность, энергичность, инициативность и ответственность образуют универсальное регуляторное ядро волевых качеств, значимое для жизнеспособности вне зависимости от культуры.

Духовность выполняет разные функции: у русских — интегративную (связана с жизнеспособностью и позитивной гражданской идентичностью); у бурят — регуляторную (связана с совладанием, но отрицательно — с самостоятельностью); у якутов — контекстуальную (связана с контекстуальной жизнеспособностью, но не с совладанием).

Существуют различия в оценке идентичности. Для якутов важнее определенность этнической идентичности — четкое знание, кто ты есть. Для русских важнее позитивность гражданской идентичности — эмоционально положительное отношение к стране.

Самостоятельность не является ресурсом жизнеспособности ни в одной группе, а у бурят даже отрицательно связана с духовностью.

Полученные результаты показывают, что универсальные ресурсы (семейная поддержка, общее ядро волевых качеств) работают во всех культурах и должны быть основой программ развития жизнеспособности и гражданской идентичности. Культурно-специфические ресурсы (духовность, разные типы идентичности) требуют дифференцированного подхода, и то, что является ресурсом для одной группы, может быть нейтральным или даже дезадаптивным для другой.

Перспективы дальнейших исследований включают применение регрессионного и медиационного анализа для выявления предикторов жизнеспособности, а также содержательное расширение работы в направлении изучения механизмов межпоколенной передачи ресурсов жизнеспособности, дифференциации религиозно-специфических функций духовности, а также гендерных особенностей выявленных связей.

Ограничения. Выборка ограничена студентами 16–24 лет, что не позволяет экстраполировать выводы на другие возрастные группы. Помимо этого, в выборках преобладают девушки, что могло внести смещение в расчетные корреляционные паттерны.

Limitations. The sample is limited to students, which does not allow extrapolation of the results to other age groups. In addition, the sample was dominated by female participants, which could have biased the calculated correlation patterns.

Список источников / References

1. Галяпина, В.Н., Лепшкова, З.Х., Бушина, Е.В. (2024). Этническая, гражданская и религиозная идентичности как ресурс психологического благополучия для разных этноконфессиональных групп поликультурного социума Краснодарского края. *Этнорегиональные ресурсы гармонии человека с природой и социумом как факторы психологического здоровья, межнационального согласия и межкультурной коммуникации. Материалы Международной научно-практической конференции* (с. 161–166).
Galyapina, V.N., Lepshokova, Z.Kh., Bushina, E.V. (2024). Ethnic, civic, and religious identities as a resource for psychological well-being for different ethnoconfessional groups of the multicultural society of Krasnodar Krai. *Ethnoregional resources of human harmony with nature and society as factors of psychological health, interethnic harmony, and intercultural communication. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference* (pp. 161–166). (In Russ.).
2. Гуриева, С.Д., Ляпина, Т.Е., Юмкина, Е.А., Мальцева, А.В., Шилкина, Н.Е. (2026). Связь идентичности и просоциального поведения у современной российской молодежи. *Социальная психология и общество*, 17(1), 112–131. <https://doi.org/10.17759/sps.2026170107>
Gurieva, S.D., Liapina, T.E., Yumkina, E.A., Maltseva, A.V., Shilkina, N.E. (2026). The relationship between identity and prosocial behavior among contemporary Russian youth.

- Social Psychology and Society*, 17(1), 112–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2026170107>
3. Иванников, В.А., Шляпников, В.Н. (2019). Особенности волевой регуляции у представителей разных этнокультурных групп. *Экспериментальная психология*, 12(1), 70–84. <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120106>
Ivannikov, V.A., Shlyapnikov, V.N. (2019). Features of volitional regulation in representatives of different ethnocultural groups. *Experimental Psychology*, 12(1), 70–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/exppsy.2019120106>
 4. Лебедева, Н.М., Татарко, А.Н. (2009). Функциональная роль гражданской идентичности в структуре социального капитала. *Идентичность и организация в меняющемся мире: Сборник научных статей* (с. 13–40). М.: Издательский дом ГУ ВШЭ.
Lebedeva, N.M., Tatarko, A.N. (2009). The functional role of civic identity in the structure of social capital. In: *Identity and Organization in a Changing World: Collection of scientific articles* (pp. 13–40). Moscow: Publishing House of the State University – Higher School of Economics. (In Russ.).
 5. Махнач, А.В. (2016). *Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма*. М.: Институт психологии РАН.
Makhnach, A.V. (2016). *Viability of a person and family: a social-psychological paradigm*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).
 6. Махнач, А.В. (2017). Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке. *Психологический журнал*, 38(4), 5–16. <https://doi.org/10.7868/S0205959217040018>
Makhnach, A.V. (2017). Human Resilience as a Research Object in Psychology. *Psychological Journal*, 38(4), 5–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.7868/S0205959217040018>
 7. Махнач, А.В., Лактионова, А.И. (2026). Валидизация и адаптация теста «Жизнеспособность детей и молодежи» на выборке российской молодежи. *Психологическая наука и образование*, 31(2), 130–145. <https://doi.org/10.17759/pse.2026310209>
Makhnach, A.V., Laktionova, A.I. (2026). Validation and adaptation of the Child and Youth Resilience Measure among sample of Russian youth. *Psychological Science and Education*, 31(2), 130–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2026310209>
 8. Махнач, А.В., Сараева, Н.М., Дарбаева, С.Б., Лактионова, А.И., Суханов, А.А. (2024). Этнокультурные особенности в представлениях о семье как ресурсе жизнеспособности у русской и бурятской молодежи. *Социальная психология и общество*, 15(3), 108–125. <https://doi.org/10.17759/sps.2024150307>
Makhnach, A.V., Saraeva, N.M., Dagbaeva, S.B., Laktionova, A.I., Sukhanov, A.A. (2024). Ethnocultural features in the representation of the family as a resource of resilience among Russian and Buryat youth. *Social Psychology and Society*, 15(3), 108–125. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2024150307>
 9. Махнач, А.В., Сараева, Н.М., Дарбаева, С.Б., Лактионова, А.И., Постылякова, Ю.В., Суханов, А.А. (2023). Сравнительный эмпирический анализ жизнеспособности русской и бурятской молодежи. *Социальная психология и общество*, 14(2), 66–84. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140205>
Makhnach, A.V., Saraeva, N.M., Dagbaeva, S.B., Laktionova, A.I., Postylyakova, Yu.V., Sukhanov, A.A. (2023). Comparative empirical analysis of the Russian and Buryat youth resilience. *Social Psychology and Society*, 14(2), 66–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/sps.2023140205>
 10. Татарко, А.Н. (2023). Гражданская идентичность и ментальное здоровье россиян: роль психологических стратегий совладания в условиях санкционной политики.

Этнопсихология: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции (с. 132—135).

- Tatarko, A.N. (2023). Civic identity and mental health of Russians: the role of psychological coping strategies in the context of sanctions policy. *Ethnopsychology: theory and practice. Proceedings of the International scientific and practical conference* (pp. 132—135). (In Russ.).
11. Татарко, А.Н., Лебедева, Н.М. (2011). Методы этнической и кросскультурной психологии. М.: Издательский дом ВШЭ.
Tatarko, A.N., Lebedeva, N.M. (2011). *Methods of ethnic and cross-cultural psychology*. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.).
12. Татарко, А.Н., Лебедева, Н.М. (2009). Социальный капитал: теория и психологические исследования. М.: РУДН.
Tatarko, A.N., Lebedeva, N.M. (2009). *Social capital: theory and psychological research*. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ.).
13. Чумаков, М.В. (2004). *Опросник диагностики волевых качеств личности (ВКЛ): Руководство*. Ярославль: НППЦ «Психодиагностика».
Chumakov, M.V. (2004). *Questionnaire for Diagnosing Volitional Qualities of Personality: Manual*. Yaroslavl: NPTs «Psikhodiagnostika». (In Russ.).
14. Barker, J. (2014). Alone together: The strategies of autonomy and relatedness among homeless youth. *Journal of Youth Studies*, 17(6), 763—777. <https://doi.org/10.1080/13676261.2013.853874>
15. Biermann, G., Strahm, A.M. (2025). Strengthening cultural identity and resilience among perinatal indigenous women to address health disparities: a narrative review. *International Perspectives on Health Equity*, 1(1), 106—123. <https://doi.org/10.1108/IPHEE-08-2024-0037>
16. Christophe, N.K., Stein, G.L. (2024). Patterns of Cultural and Coping Factors Among Minoritized Youth: Associations with Discrimination and Depressive Symptoms. *Race and social problems*, 16(2), 185—197. <https://doi.org/10.1007/s12552-024-09410-4>
17. Garnezy, N. (1991). Resilience in children's adaptation to negative life events and stressed environments. *Pediatric Ann*, 20(9), 459—466. <https://doi.org/10.3928/0090-4481-19910901-05>
18. Hammood, Y.M., Ismail, S.M., Khasawneh, M.A.S., Naeim, M. (2025). Multigenerational resilience: A novel theory on the psychological transmission of resilience and the role of culture and spirituality in indigenous communities: A narrative review. *Asian Journal of Psychiatry*, 107, Article 104485. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2025.104485>
19. Kagitcibasi, C. (2005). Autonomy and relatedness in cultural context: Implications for self and family. *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 36(4), 403—422. <https://doi.org/10.1177/0022022105275>
20. Kirmayer, L., Simpson, C., Cargo, M. (2003). Healing traditions: Culture, community and mental health promotion with Canadian Aboriginal peoples. *Australasian Psychiatry*, 11(1), 15—23. <https://doi.org/10.1046/j.1038-5282.2003.02010.x>
21. Markus, H.R., Kitayama, S. (1991). Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. *Psychological Review*, 98(2), 224—253. <https://doi.org/10.1037/0033-295X.98.2.224>
22. Masten, A.S. (2014). *Ordinary magic: Resilience in development*. New York: The Guilford Press.
23. Pargament, K.I. (1997). *The psychology of religion and coping: Theory, research, practice*. New York: The Guilford Press.
24. Ryan, R.M., Deci, E.L. (2017). *Self-determination theory: Basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. New York: The Guilford Press. <https://doi.org/10.7202/1041847ar>

25. Ungar, M. (2012). *The social ecology of resilience: A handbook of theory and practice*. New York: Springer. <https://doi.org/10.1007/978-1-4614-0586-3>
26. Werner, E.E. (1995). Resilience in development. *Current Directions in Psychological Science*, 4(3), 81–84. <https://doi.org/10.1111/1467-8721.ep10772327>
27. Yip, T., Wang, Y., Mootoo, C., Mirpuri, S. (2019). The moderating role of ethnic/racial identity in the relation between discrimination and adjustment: A meta-analysis. *Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology*, 25(1), 54–70. <https://doi.org/10.1037/dev0000708>

Информация об авторах

Соелма Батомункуевна Дагбаева, доктор психологических наук, заведующая кафедрой теоретической и прикладной психологии, Забайкальский государственный университет (ФГБОУ ВО ЗабГУ), Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Надежда Михайловна Сараева, доктор психологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной психологии, Забайкальский государственный университет (ФГБОУ ВО ЗабГУ), Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru

Алексей Анатольевич Суханов, кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии, Забайкальский государственный университет (ФГБОУ ВО ЗабГУ), Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru

Ксения Николаевна Павлова, кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной психологии, Забайкальский государственный университет (ФГБОУ ВО ЗабГУ), Чита, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8895-249X>, e-mail: p.kseniya13@mail.ru

Information about the authors

Soelma B. Dagbaeva, Doctor of Science (Psychology), Head of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1696-2370>, e-mail: soela@bk.ru

Nadezhda M. Saraeva, Doctor of Science (Psychology), Professor, Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4946-8360>, e-mail: saraiewa@mail.ru

Alexey A. Sukhanov, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Psychology, Transbaikal State University, Chita, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2062-9642>, e-mail: suhanob-71@mail.ru

Kseniya N. Pavlova, Candidate of Science (Psychology), Senior Lecturer, Department of Theoretical and Applied Psychology, Faculty of Psychology and Education, Transbaikal State University, Chita, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8895-249X>, e-mail: p.kseniya13@mail.ru

Вклад авторов

Дагбаева С.Б. — описание и интерпретация полученных результатов; написание и оформление рукописи.

Сараева Н.М. — критическая правка текста; уточнение теоретических положений и формулировок.

Суханов А.А. — организация и проведение сбора эмпирических данных.

Павлова К.Н. — выполнение корреляционного анализа.

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Contribution of the authors

Soelma B. Dagbaeva — writing and design of the manuscript; interpretation of the results.

Nadezhda M. Saraeva — critical revision of the manuscript; refinement of theoretical formulations.

Alexey A. Sukhanov — coordination of the field stage of the research.

Kseniya N. Pavlova — correlation analysis.

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (протокол от 10.01.2026 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of Moscow State University of Psychology and Education (report no, 2026/01/10).

Поступила в редакцию 01.06.2026

Поступила после рецензирования 22.07.2026

Принята к публикации 14.09.2026

Опубликована 30.09.2026

Received 2026.06.01

Revised 2026.07.22

Accepted 2026.09.14

Published 2026.09.30